

Глава 8

Но вдовствующая императрица Чжан была полна решимости выставить его напоказ во время церемонии почитания предков. По ее мнению, императорская семья слишком долго терпела правление Фу Хуана, и пришло время представить нового представителя.

Проведя четырнадцать лет за границей и совпав с новогодними ритуалами почитания предков, он обязательно стал бы центром внимания. Однако Фу Е чувствовал, что должен продемонстрировать свою верность Фу Хуану, давая понять, что не намерен отнимать у него внимание.

Он упорно трудился, чтобы завоевать расположение Фу Хуана, и не хотел, чтобы это было разрушено его возвращением домой.

Однако Фу Хуан, казалось, не беспокоился о церемонии почитания предков.

Проведя больше времени во дворце, Фу Е понял, что Фу Хуан не был развратным тираном, каким он его себе представлял. Его «тирания» заключалась скорее в авторитарном правлении — правлении через страх, а не через лояльность.

Всего за несколько дней он казнил дюжину чиновников.

«Его Величество презирает чиновников, которые предаются роскоши, коррупции или разврату», — объяснил Шуан Фу. «Взяточничество, хищение, фракционность, некомпетентность или посещение публичных домов — все это наказывается. Один министр был подвергнут порке только за то, что взял слишком много наложниц, а у другого, который любил роскошные банкеты, конфисковали имущество и отправили на каторжные работы на замерзший север».

Было ясно: несчастье любит компанию.

Фу Е пришел к выводу, что император не любил, когда другие жили слишком комфортно. Так был ли его собственный образ жизни слишком роскошным?

Недавно он заметил, что его одежда менялась каждый день.

Некоторые вещи выглядели похожими, но были совершенно разными.

Только после разговора с Шуан Фу он узнал, что Императорская гардеробная не просто шила ему несколько новых комплектов — они шили ему новые наряды каждый день!

Большинство его одежды и аксессуаров были предназначены для одноразового ношения, без

возможности стирки или ремонта. Даже самые изысканные одежды выбрасывались после одного использования.

Шуан Фу объяснил, что повторное ношение постиранной одежды называлось «двойной стиркой» и было признаком бережливости. Если император так поступал, это записывалось в императорские хроники. Император Минцун, известный своей бережливостью, был известен тем, что «никогда не менял одежду, пока она не была выстирана три раза».

Древние ткани не выдерживали частой стирки, а технологии окрашивания были хуже современных. Особенно уязвимыми были тонкие шелка, особенно те, что были вышиты золотыми нитями.

Сяо Ай заметила: «На самом деле... современные богатые люди тоже не стирают свою одежду».

Что ж, он мог только сказать, что такой образ жизни был ему совершенно чужд. Идея носить изысканную одежду ручной работы только один раз была невообразимой.

Поэтому Фу Е приказал стирать свою одежду три раза, прежде чем заменять ее, и исключил два блюда из своего ежедневного меню.

Его намерение состояло в том, чтобы завоевать расположение Фу Хуана, продемонстрировав, что он не избалован.

В конце концов, о каждом его шаге, скорее всего, докладывали императору.

Неожиданно об этом узнала и вдовствующая императрица Чжан.

Говорят, что, услышав эту новость, она «плакала и била в грудь», заявляя: «Шестой принц практикует бережливость и должен служить примером для императорского рода». Затем она сократила свои порции вдвое.

Независимо от того, была ли вдовствующая императрица искренна, ее действия создали прецедент, и другие дворяне последовали ее примеру.

Стоя у ворот, Фу Е с беспокойством наблюдал, как слуги с подносами с едой направлялись в главный зал дворца Чистой Высоты.

Император был известен своей привередливостью — он не любил определенные блюда, отвергал золото и красоту, — но во время еды никогда не сдерживался.

Как император, если он хорошо управлял страной, небольшая расточительность за столом была мелочью. Кроме того, несъеденная еда раздавалась дворцовым слугам и никогда не

пропадала зря.

Фу Е чувствовал себя зажатым между двух огней, понимая, что невозможно угодить обоим.

Однажды, во время репетиции церемониальных процедур в павильоне Радостного Спокойствия, Фу Е, одетый в ритуальное одеяние весом около двадцати фунтов, увидел приближающуюся свиту императора.

Однако Фу Хуан остановился у ворот дворца и наблюдал за происходящим издалека.

Вероятно, он снова проводил аудиенцию, сопровождаемый свитой высокопоставленных министров.

Но придворные дамы из Управления дворцовых матрон уже заметили императора, и все преклонили колени. Фу Е не оставалось ничего другого, как поднять руку в знак приветствия.

Его руки болели от усталости, и поднять их было нелегко.

Зимние церемониальные одежды были просто слишком тяжелыми.

Кроме того, он был физически слаб — хрупкость была его отличительной чертой — его худые плечи свисали, как будто они прогибались под тяжестью громоздких ритуалов и одежд.

Возможно, он выглядел достаточно жалко, чтобы удовлетворить вкус Фу Хуана к страданиям других. В любом случае, к вечеру Фу Хуан вызвал его.

К моменту прибытия в главный зал руки Фу Е были опухшими, и он едва мог собрать силы. «Почему Ваше Величество вызвало меня?»

«Чтобы поесть».

Фу Е поднял глаза. «Что?»

Евнух Цин уже накрыл для него стол.

В настоящее время Фу Е либо обедал с вдовствующей императрицей, либо ел в одиночестве. Обеды с вдовствующей императрицей были связаны с этикетом — блюда подавали слуги, ели очень осторожно, маленькими кусочками, очень заботясь о здоровье. Когда он обедал в одиночестве, он был более расслаблен и ел быстрее.

Вдовствующая императрица была по натуре бережливой и придерживалась вегетарианской

диеты, поэтому ее блюда никогда не были роскошными.

Но размах императора поразил его — роскошный выбор деликатесов. Однако здесь правила были еще более строгими. Каждое блюдо перед употреблением должно было быть попробовано внутренним чиновником, и Цин Си был ответственен за его подачу. При столе, заставленном блюдами, ему разрешалось только попробовать каждое из них. Как принц, Фу Хуан, вероятно, был привычен к такому стилю обедов, но Фу Е — нет. Он не смел есть меньше того, что ему не нравилось, и больше того, что ему хотелось.

Кроме того, наблюдать, как Фу Хуан выбирает еду, было мучительно.

Он, казалось, ничего не пробовал, ел очень, очень мало.

Где этот человек находил свою энергию, ему было непонятно.

Еда в дворце Чистой Высоты была еще более удушающей, чем у вдовствующей императрицы. Фу Е не находил в этом никакого удовольствия — он не мог свободно наслаждаться своими любимыми блюдами, его аппетит еще больше портили привычки Фу Хуана, а к тому же еще и психологическое давление. Каждый кусочек был мучением.

После еды, когда он уходил, евнух Цин заметил: «Ваше Высочество, совместная трапеза с Его Величеством — редкая привилегия».

Он знал!

Фу Е: «Я глубоко почтен и счастлив».

Губы евнуха Цинь слегка дрогнули. «В присутствии Вашего Высочества Его Величество сегодня съел значительно больше».

Серьезно?!

Это считается больше?

Воробьи едят больше!

Вдовствующая Императрица бесконечно беспокоилась о его обедах с императором.

Но совместная трапеза императора с его братом была жестом доброй воли, поэтому она не могла открыто протестовать. Она просто высказала свое недовольство дворцовой матроне Сунь: «Он просто не хочет, чтобы я была спокойна. Видя, как я близка с Е-эром, он настаивает на

том, чтобы вмешаться».

Дворцовая матрона Сунь тоже вздохнула. «Бедный шестой принц. Обедать с Его Величеством должно быть...»

Как жевать опилки.

Хотя обеды с Фу Хуаном были изнурительными, Фу Е с радостью принимал добрую волю императора. Если правда о его самозванстве когда-нибудь вскроется, то место в сердце Фу Хуана — или то, что он станет для него незаменимым — может спасти ему жизнь.

Это истощало его, но более тяжелые испытания закалили его.

Он сказал себе, что должен всегда сохранять оптимистичный и благодарный настрой — это единственный способ быть счастливым!

Поэтому, присоединяясь к императору за трапезой, он изучал этикет, читал медицинские тексты и даже смешивал травяные лекарства, которые лично готовил для Фу Хуана.

Конечно, давать лекарство императору было не просто. Оно должно было пройти проверку императорскими врачами, быть опробовано дворцовыми слугами, и только через десять дней или полмесяца его можно было наконец представить императору.

Фу Е даже сам опробовал лекарство, продемонстрировав свою полную искренность.

Но на следующий день Фу Хуан уже вызвал его, чтобы он принес лекарство.

Фу Е поднял чашу и сказал: «Брат, я хотел подарить тебе это лекарство после Нового года».

Фу Хуан протянул руку.

Фу Е колебался мгновение, прежде чем передать лекарство.

К удивлению, Фу Хуан взял его и выпил залпом.

Евнух Цин принес сладкие консервы, но Фу Хуан отказался.

Фу Е пробормотал под нос: «...Врачи сказали, что нужно попробовать еще половину...»

«Если бы эти идиоты что-нибудь знали, — прервал его Фу Хуан, — мне не пришлось бы пить это

в первую очередь». Он спросил: «Ты запомнил, что я тебе сказал?»

Фу Е покачал головой.

Лицо Фу Хуана потемнело. «Умный на вид, но пустая голова».

Фу Е ответил: «Брат, я был очень занят в последнее время».

Возможно, то, что Фу Хуан выпил лекарство, придало ему смелости, и он не смог удержаться от тихого бормотания: «В последнее время я должен был изучать этикет, читать медицинские тексты и лично варить лекарства для тебя».

Фу Хуан презрительно фыркнул: «И это все?»

Фу Е: «...»

Бесполезно спорить с гением.

«К тому же, эти тексты невозможно понять».

Фу Хуан проигнорировал его.

Фу Е спросил: «Брат, ты не боишься, что это яд?»

Евнух Цин, который собирал чашки с лекарством, уронил их с громким звоном.

«Господин, даже не говорите так!»

Фу Е поднял чашу и прижал ее к груди.

Фу Хуан не ответил.

Затем он ушел вместе с евнухом Цин.

Евнух Цин сказал: «Господин, вы напугали этого старика до полусмерти!»

«Разве вы не говорили, что для подачи лекарства Его Величеству требуется пройти множество этапов, которые официально регистрируются?»

Евнух Цин ответил: «Его Величество глубоко доверяет Вашему Высочеству».

Фу Е не был полностью убежден в этом.

Такой человек, как Фу Хуан, не стал бы просто так приветствовать его с распростертыми объятиями.

Они почти не проводили время вместе.

Евнух Цин сказал: «Я сказал Его Величеству, что Ваше Высочество лично приготовили лекарство и даже сами его испытали. Такая преданность действительно трогает сердце».

Фу Е поднял рукав, чтобы прикрыть лицо, и громко крикнул в сторону внутренней комнаты: «Чтобы мой брат так доверял мне — я бы прошел через ад и обратно, и все равно не заслужил бы этого!»

Евнух Цин выдал жесткий смешок и оттащил его в сторону. «У этого старика есть для вас несколько суровых истин, Ваше Высочество».

Он выглядел неловко и смущенно, когда сказал: «Его Величество имел дело со всеми видами людей — никто не может его обмануть. И, прежде всего, Его Величество ненавидит, когда ему лгут».

Фу Е: «!!»

Ну, прощай, сон сегодня.

«Так что хватит притворяться, Ваше Высочество. Все, что вам нужно знать, — это то, что Его Величество верит в вас, и этого достаточно».

«Но я был вдали от своего старшего брата столько лет. Почему он так доверяет мне?»

Евнух Цин ответил: «Вы же облегчили головную боль Его Величества, верно?»

Справедливое замечание.

Возможно, как только Фу Хуан позволил ему воткнуть эти иглы, это было достаточно «доверием».

Если бы он хотел убить его, он мог бы сделать это рано или поздно, будь то с помощью игл или яда. Поскольку он этого не сделал, а лечение показало некоторый эффект, это действительно

казалось заслуживающим доверия. Или, возможно, рядом с мучениями, с которыми жил Фу Хуан, смерть его уже даже не пугала.

Эта мысль заставила Фу Е почувствовать боль в сердце. Он представил, как Сяо Ай отругала бы его за это: «Сначала позаботься о себе!».

Евнух Цин вернулся в комнату и верно передал Фу Хуану слова Фу Е.

Фу Хуан пожал плечами: «Доверие или нет — какая разница? На данный момент, что может сделать самый сильный яд?».

Евнух Цин был ошеломлен. «Возможно, Его Высочество действительно может вылечить болезнь Вашего Величества».

Фу Хуан пролистал меморандумы, не опровергая его, и только сказал: «Резиденция, которую я подготовил для вас на окраине столицы — если найдете время до нового года, можете пойти посмотреть ее лично».

Евнух Цин с грохотом упал на пол. «Этот старик хочет сгнить в этом дворце!»

Фу Хуан сказал: «Ни евнухи, ни дворцовые служанки не предназначены для того, чтобы стареть и умирать в этих стенах. Я устал. Вы можете уйти».

Евнух Цин прикусил язык — бесполезно злить его — и ушел, тихо рыдая у двери. Хлюпанье носом сводило Фу Хуана с ума, и он крикнул: «Приведите сюда Фу Е!»

Евнух Цин поспешил позвать Фу Е.

«Он только что принял лекарства, не так ли?»

Евнух Цин сказал: «Может быть, Его Величество просто хочет с кем-нибудь поговорить».

Фу Е: «... Ты чуть не довел меня до сердечного приступа!»

Фу Хуан даже ничего не хотел — просто заставил его стоять там, как вешалку для одежды. После того, что показалось вечностью, Фу Хуан наконец пробурчал: «Тебе нужно приглашение, чтобы сесть?»

Если мой брат не скажет «нет», разве я не могу просто сесть?

Фу Хуан продолжал раздражаться на него и евнуха Цин, чувствуя пульсирующую боль между

бровями. Фу Е сказал: «Позвольте мне помассировать вам голову, Ваше Величество. Внутреннее и внешнее будут работать вместе, и вы почувствуете себя более комфортно».

Фу Хуан ответил: «Если тебе нечем заняться, возьми эту поминальную речь и прочитай ее здесь».

Фу Е попросил кого-то принести поминальную речь и начал читать: «В первом месяце шестого года Чанцин...»

Фу Хуан прервал его: «Читай про себя».

Фу Е сжал губы.

Он испытывал странное, сложное чувство — страх, что Фу Хуан действительно ему доверяет. Этот страх, казалось, проистекал из опасения последствий, если правда всплывет на поверхность, или, возможно, из чего-то другого. Однако для человека, чья жизнь и смерть не зависели от него самого, сочувствовать императору было довольно нелепо.

Он просто сосредоточился на чтении поминальной речи.

Сяо Ай заметила: «У тебя всегда была эта проблема».

Фу Е вздохнул.

«У каждого есть свои потребности и судьба. Ты просто пытаешься выжить — что в этом плохого?»

Фу Е признал: «Верно».

Он сразу почувствовал себя лучше.

Сяо Ай: «...»

Фу Е свернул поминальную речь и сказал Фу Хуан: «Ваше Величество, я выучил ее наизусть».

Фу Хуан посмотрел на него.

«Не верите мне?» Он поправился: «Ваше Величество не верите мне? Я могу прочитать ее для вас».

Фу Хуан промолчал.

И он начал читать.

Он постоянно запутывался на полпути, и Фу Хуан, казалось, был готов взорваться, но сдерживался.

Наконец, он застрял на третьей или четвертой строке от конца — так близко, слова были прямо на кончике языка, но он просто не мог их вспомнить!

Фу Е сжал кулаки в ярости.

Увидев это, гнев Фу Хуана улетучился. «Иди перепиши еще раз», — сказал он.

Фу Е ушел в ярости.

Фу Хуан почувствовал, что лекарство действительно действует.

Возможно, в нем было что-то успокаивающее, потому что он начал засыпать.

Впервые император лег спать рано.

Евнух Цин еще больше убедился, что возвращение шестого принца было божьим промыслом, и в дворце Чистой Высоты воцарилась расслабленная, счастливая атмосфера.

Твоя идея = твоя глава!

Поделись своим вариантом названия — и читай следующую главу даром.

Замечаешь опечатку или неточность? Сообщи — и открой для себя новую бесплатную часть истории!

Старается для вас команда Webnovels

<http://bllate.org/book/14715/1314759>